

Влад Озер

**ВДВ. НАЧМЕД
ДИВИЗИИ**

Постсоветский период

Влад Озер

**ВДВ. Начмед дивизии.
Постсоветский период**

«Издательские решения»

Озер В.

ВДВ. Начмед дивизии. Постсоветский период / В. Озер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939597-9

Уважаемые читатели, автор пришел в литературу из армейской жизни, знает тонкости солдатского и офицерского бытия не понаслышке, поэтому динамика разворачивающихся действий на фоне исторических, а порою и драматических событий после распада СССР и раздела советской Армии будет тянуть вас от страницы к странице...

ISBN 978-5-44-939597-9

© Озер В.
© Издательские решения

Содержание

Шеврон и нагрудный знак	12
А мне очередная зарубка на носу	16
Заполокин	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

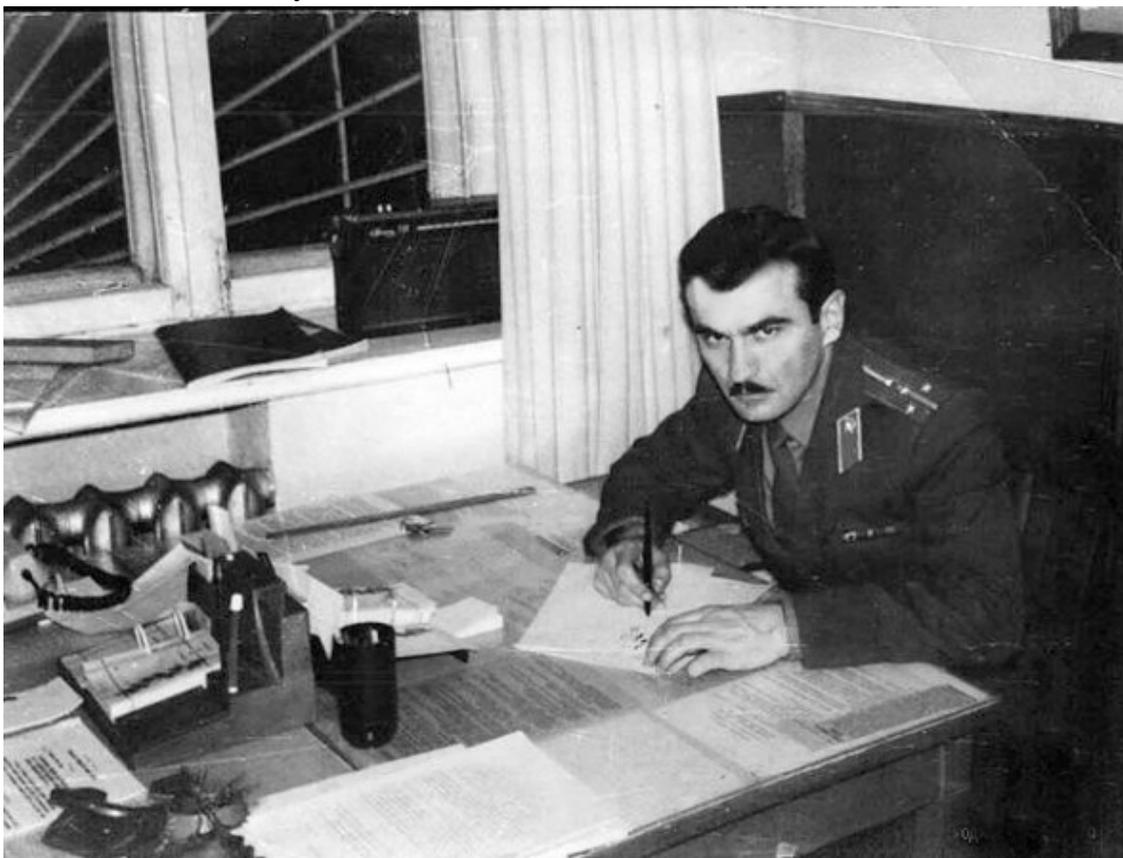
ВДВ. Начмед дивизии Постсоветский период

Влад Озер

© Влад Озер, 2018

ISBN 978-5-4493-9597-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начмед дивизии

[Владимир Озерянин](#)

I. Начало длинного и трудного периода в службе.

см. ФОТО: Первые дни в новой должности.

«В качестве „языка“ в плен лучше всего брать начмеда дивизии. Он перемещается без охраны, а является носителем информации ничуть не меньше, чем командир дивизии или начальник штаба, потому как постоянно присутствует на всех совещаниях, построениях...» Это, якобы, из полевого Устава армии США.

Итак, второй мой круг, совершенный по восходящей спирали, замкнулся. Такое редко бывает, но я дважды прошел по одним и тем же местам службы, только теперь на более высоком

уровне. Напомню читателю, как это было. Первый раз в 299 полк пришел младшим врачом полка. Через пять лет вернулся туда же старшим врачом, то есть начмедом полка.

Первый раз в медбат пришел врачом, хоть и заштатным, но ходил дежурным по приемному отделению. Был участником коллектива батальона. Второй раз пришел в этот же батальон пусть и ненадолго, но его командиром.

Первый раз в штаб дивизии пришел рядовым врачом, сотрудником санитарно-эпидемиологической лаборатории, которая в то время по штату была в штабе дивизии. И вот теперь прихожу в этот же штаб начальником всей медицинской службы соединения.

Прием кабинета, сейфа и папок – дело несложное. Это не батальон с его массой заморочек. С учетом того, что длительное время исполнял обязанности в этой должности по всевозможным предыдущим точкам службы в Ереване, Баку, Фергане, то в отличии от командирской должности, где у меня практического опыта не было вообще, здесь чувствовал себя более-менее комфортно, хотя прямо физически с первых минут ощутил груз ответственности. Как – никак, за спиной жизнь и здоровье многих тысяч людей. А советская «халява» закончилась уже более двух лет назад.

Это мои предшественники в этом кабинете могли с утра и до вечера играть в шахматы с сослуживцами из других кабинетов, на коньяк. Потом поздним вечером говорить: – До завтра, сейф!, закрывая его, заползая в служебную машину и ехать спокойно дрыхнуть. На них работала огромная махина советского ВПК. Врачебный персонал денно и нощно клебался в медицинской академии и пяти отдельных военных факультетах. Плюс, все желающие после гражданских институтов могли прийти на службу. Это только в Советской Армии мой предшественник подполковник Гребенюк, мог заказать с пьяных глаз, четырех выпускников академии и меня в том числе, а потом не знать, куда их девать, потому что, как оказалось, что мы здесь лишние. И ему за это никто и плохого слова не сказал. Наоборот, через год после этого казуса, он еще занял и кресло начмеда ВДВ СССР.

Это в их времена медицинское имущество, техника и аппаратура по заказу, как по мановению волшебной палочки, полнокровным потоком шли в дивизию эшелонами. Их не знали куда девать и как списывать. Этого имущества было столько, что начальник медицинского снабжения дивизии капитан Кошельман, в период разброда и шатания возил продавать его аж в «братскую» Румынию, тряся мотней по базарам Галаца, Браила и Констанцы.

Это в те «плохие совковые» времена мои начальники даже никогда не слышали такого словосочетания, как дефицит топлива для медицинской техники. Или отсутствие на ходу санитарной машины вообще, потому что нет запасных деталей, чтобы хоть как – то поддерживать рухлядь на ходу.

Теперь же мне надо заглядывать в глаза всякому мерзавцу с медицинским дипломом в надежде, что он выразит согласие на службу в моем подчинении, скрипя зубами соглашаться на все их требования и условия, потому что оно, видите ли, мнит себя великим терапевтом или травматологом. И подавай ему сразу же должность начальника отделения в медбате или госпитале. При намеке же на то, что у нас так принято, чтобы все врачи сначала узнали, как и чем пахнет солдатская портянка, у них возникают судороги и кровная обида на всю жизнь. То есть я о том, что в полк или бригаду никого из завербованных эскулапов заставить пойти служить невозможно.

С медснабжением полный крах. Осталось только то, что не успел продать Кошельман. Приходится скрывать от больных о том, что мы выдаем им просроченный аналгин, аспирин

и колем инъекции древним пенициллином. А то, что нам теперь выдают из одесских складов, это жалкие крохи, в сравнении с бывшим снабжением.

Бывали случаи, когда за «тампоны» (купоны) из своего жалкого денежного содержания заправлял санитарную машину бензином, чтобы доставить больного из полка-бригады в медбат, потому что поставленные комдивом Бабичем прапорщики на распределение горючего и те жалкие крохи, которые официально выделялись, зажали так, что для службы уже ничего не оставалось. То же самое и с ремонтом техники, запасные части растворялись неведомо где. Зампотехи жирели, они вдруг стали уважаемыми людьми среди аборигенов.

Вот в таких условиях и пришлось начинать службу в новой должности. И во времена советские и после смены власти, да и сейчас, любой «курковый» офицер скажет, что у медиков не служба, а малина. Что мы, по сравнению с ними, вообще ничем не занимаемся, и ни за что не отвечаем. Им, конечно, виднее. Хотя бы потому, что мы всегда в их подчинении. А служба подчиненного в глазах командира и начальника всегда «легче», чем у него самого. Повторюсь, может быть в какой – то степени так и было в «тяжелые советские» времена. Убил бы того либерального гада, кто придумал и обозвал советские времена, совковыми.

Итак, занимаю свой новый кабинет. Находился он без изменений вот уже много лет в одном и том же месте штаба. Еще каких – то неполных семь лет назад, в лейтенантском облике, с трепетом стоял у этой двери, боясь постучать. Теперь открываю ее своим ключом и без всякого стука. Прямо напротив двери – рабочий стол, слева от него – сейф. Справа в углу – книжный шкаф, слева второй такой же. Справа от двери – стол и стул секретарши. За этим столиком восседает «бабушка» лет за пятьдесят. Наследство от предыдущего начальника. Будучи комбатом, видел ее пару раз, но не удосужился даже познакомиться.

Поэтому сейчас приходится наверстывать упущенное. Знакомимся. Оказывается, женщина в этом кабинете работает типа, на добровольных началах. По штату она числится в ракетно-артиллерийской службе. Сюда предшественник уговорил ее приходить печатать необходимые бумаги при случае, но бабке здесь так понравилось, что на мое предложение вернуться туда, где она по штату, сильно обиделась. Мне нужна была здесь сотрудница, которая во – первых, со знанием нужного теперь украинского языка, что для Бессарабии было в то время проблемой. Во вторых, чтобы она была в кабинете постоянно, не отлучаясь. Потому, как моя работа, увы, не кабинетная. Мобильных-сотовых тогда еще и в помине не было, а кому – то нужно было быть постоянно на связи. Принимать информацию и отвечать на звонки. Эту проблему решил быстро. Через неделю за столиком восседала дама, на которую, по крайней мере, было не противно посмотреть.

Вот и все. Прошло «всего» шестнадцать лет с тех пор, как я будучи сержантом срочной службы, побывал на приеме в кабинете начмеда дивизии в Потсдаме, до того момента как сам занял такой же кабинет. Кому- то покажется что это быстрое продвижение по службе, многим наоборот. У каждого своя точка зрения. Конечно, в советские времена это была редкость, чтобы капитан возглавил медицинскую службу дивизии. Но были и такие. Сам видел фото такого двадцативосьмилетнего капитана. В газете «Известия» за 1985 год. Но на то они и «уникимы», чтобы за ними тянулись подобные мне. Пора впрягаться в службу на всю катушку.

С приближением весны, а за ней и бессарабской жары пришло время основной проблемы нашего гарнизона. Время дизентерии и вирусного гепатита. Как говорится «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Будучи сам эпидемиологом, я, конечно, держал ухо востро

и фиксировал состояние дел по этому вопросу. Но пару последних лет занимался чем угодно, только не профилактикой инфекционной заболеваемости в дивизии. С разделом соединения на убывших в город Иваново и оставшихся на месте, по штату в санитарно-эпидемиологической лаборатории не осталось ни одного врача. Лаборанты не в счет. Они занимались своим делом в лаборатории, а в войсках – никого.

Мой предшественник, прибывший из болотисто-приморской Прибалтики, понятия не имел о местной специфике, а потому и должного, да и вообще никакого внимания не уделял этому вопросу. Хотя я, будучи комбатом, неоднократно его предупреждал, что могут возникнуть большие проблемы, но главная проблема не в жарком климате и не в поедании солдатами местных абрикосов, которые в изобилии произрастали в округе, на которые частенько ссылались все заинтересованные командиры и начальники. Был даже такой казус еще до моего прибытия в Болград – на территориях частей гарнизона вырубали все фруктовые деревья. Но увы, это не помогло.

Главной причиной в регулярных вспышках заразных заболеваний среди личного состава частей гарнизона, был дефицит качественной питьевой воды. Воду в город и в части соединения подавали из близлежащего природного водоема, озера Ялпуг. Я о нем уже упоминал, когда только прибыл в это захолустье Советского Союза. Это самое большое природное озеро в Украине, (когда то в Румынии, соответственно). Длина его около сорока километров, в ширину от двух до трех-четырёх. Живописный водоем, надо отдать ему должное. Но до сих пор неухоженный, запущенный и не удостоенный вниманием туристов.

За несколько километров от города, между селами Оксамитное и Тополиное давно был сооружен и действует поныне водозабор. Огромное железобетонное гидросооружение. Лично бывал на нем несколько раз. Все, как всегда, в запущенном состоянии. Трубы водозабора заходят на сотню метров в акваторию водоема. Видимо, когда его строили, дно углубляли и чистили. Тогда трубы находились глубоко под водой. С тех пор много воды утекло, и испарилось. Дно заилилось. Периодически эти трубы на половину лежат в иле, вторая половина – над его поверхностью.

Наличие воды в озере зависит от поступления-закачивания ее из реки Дунай. В иные годы, если по природным причинам Дунай мельчает, то и в Ялпуге воды мало. Соответственно, насосы закачивают в трубы грязь, а она поступает в накопители, из них не отстоявшись, по распределительной системе. Сам водозабор производит ужасное впечатление. Все зарастает камышом и водорослями. В накопителях кишит масса змей и прочей земноводной живности. Все это, погибая, тоже попадает в систему. Сам видел, как из моего крана в квартире вылетали кругленькие, скорее всего змеиные, вьюнов там нет, ребрышки. Запах воды, льющейся из крана, иногда, особенно в летнее время, напоминал запах ухи с тиной.

Второй загрязняющий фактор. Учитывая, что вся водопроводная магистраль древняя, а трубы проложены под землей, они давно местами проржавели. Соответственно, при подаче вода вытекает из труб. Происходит массовая утечка. Воды в городе и в частях не хватает. Народ требует, давай! Поднимают давление в системе, трубы лопаются, в новых местах утечка увеличивается. Насосы отключают. Давление в трубах падает и становится отрицательным. Идет обратный процесс – подсос грязи в местах прорывов. Снова включают насосы, и засосанная грязь мчится все в ту же распределительную сеть. В районе гарнизона имеется своя КЭЧевская водонасосная станция со своими накопителями на тысячи и тысячи кубов воды. На треть они

были заполнены илом. Сам видел. Неоднократно. В этом илу размножается все, что только пожелает. Благо, тепла и влаги там предостаточно.

Подача воды от станции к потребителю имеет те же, идентичные проблемы. Разводка по казармам и домам военнослужащих старая, трубы проржавели. На этом этапе также имеется массовая утечка. При подъеме давления в сети основное количество воды уходит в грунт. Дома офицерского состава четырех и пятиэтажные. Вода до пятых этажей доходит крайне редко, только ночью, когда минимальное потребление. В основном, она бывает только на первых-вторых этажах. Угадайте, на каком этаже я, будучи старлеем, получил свою трехкомнатную? Правильно, на пятом, но о себе потом, намного позже напишу.

Добавлю только, что из-за обычной нерадивости старшин рот и командиров подразделений огромная утечка воды происходит еще и из сломанных сливных бачков, раскуроченных кранов и прочее.

Получается, все мощности задействованы, все крутится и пытит, ответственные и рабочие надувают щеки и выпячивают глаза, а качественной и в достаточном количестве воды ни в городе, ни в гарнизоне нет. Как говорится, пар уходит в свисток. На восстановление всей системы нужны довольно большие, для этого региона, деньги. А их, денег, в «государстве», которое сначала пять лет перестраивалось, а затем сломалось окончательно и разорвалось на куски, как не было, так и нет. То есть они, конечно, есть, но не про нашу честь. Подумаешь, в каком-то Богом забытом гарнизоне семь-восемь тысяч людей, на которых напялили форму, живут без воды. Это их проблемы. На то они и военные, чтобы стойко переносить все тяготы и лишения...

О гражданском населении города вообще речи нет. «Мы их там не поселяли,» -размышляют чиновники в высоких кабинетах. Нынешний президент Украины Порошенко, в описываемый период из Болграда уже съехал. Ему на тот момент было двадцать семь лет, и он уже активно осваивал процесс великой приватизации в Киеве-столице. Это я так, к слову, потому что он родился и вырос в этом захолустье. Так вот местное население в каждом подворье имеет, так называемые, бассейны. Это на подобие колодцев-кувшинов, примерно, на двадцать пять – тридцать кубов. Дождевую воду сюда аборигены-болгары (молдаване-гагаузы) собирают со своих крыш по рынвам и трубам. Или же завозят из родников, потому как дожди здесь тоже большая редкость. Вода эта тоже сами понимаете, не ахти. Она, даже кипяченая, противна на вкус.

Как выходит народ из положения? Элементарно, (Ватсон, как говорил Шерлок Холмс))). Местный народ от рождения и до смертного одра покрывает дефицит влаги в организме – вином. Да, я не оговорился, каждый уважающий себя хозяин ежегодно заготавливает огромное количество красного и белого сухого вина. Самый ленивый и нерадивый это тот, у которого в подвале всего пятьсот литров. У нормального господаря – минимум полторы тонны. Вот его – то и пьют вместо отсутствующей воды. Виноград здесь растет в изобилии.

Но солдату вино запрещено употреблять. Оно хоть и сухое и относительно недорогое, чуть дороже стакана лимонада, но в больших количествах тоже хмельное, да и на всю ораву не напасешься. Вот и пьют они в течении двух лет болотную жижу. Мы, офицеры, тоже. Только не два года, а пять, десять, двадцать и так далее. Некоторые там остаются пожизненно. Живут недолго. Ресурсов приезжего организма хватает в аккурат, чтобы прожить пару лет на пенсии.

Дабы не обременять «любимую» державу, на которую пожертвовал все здоровье, длительным потреблением пенсии.

Конечно, дефицит влаги является основным аргументом в инфекционной заболеваемости личного состава, но когда к нему присоединяется нерадивость и наплевательское отношение командирского состава всех степеней и рангов к своим подчиненным, то эта проблема растет в геометрической прогрессии. А это отношение, увы, имеет место быть. От сержанта и до генерала, как бы там кто это не опровергал. Да и сам рядовой, не все, конечно, но основная масса, зачастую наплевательски относится к своему здоровью, попадая в эти обстоятельства.

Многие из читающих эти строки, конечно, станут советовать и подсказывать насчет кипячения воды, централизованного хлорирования и тому подобное. К тому времени я даже знал и уже употреблял в Фергане воду озонированную, потому что это только в СССР и затем в СНГ до сих пор, как в каменном веке, воду хлорируют. Давно во всем мире ее обезвреживают от живых микроорганизмов безвредным для человеческого организма озоном (не говоря уже о ультрафиолетовом облучении или использовании реагентов, относящихся к классу полимерных антисептиков).

Работники коммунальных служб и санэпидстанций всегда настаивают, что при хлорировании воды на очистных сооружениях применяется крайне мало хлора, которого хватает, чтобы обеззаразить воду, но недостаточно, чтобы причинить вред здоровью человека. Увы, реальность говорит совсем о другом. Хлорирование питьевой воды, однако, имеет недостатки: необходимость тщательной дозировки хлора, так как даже небольшое уменьшение дозы резко снижает эффективность обеззараживания питьевой воды.

Также многочисленные исследования установили, что постоянное употребление воды, прошедшей хлорирование, может резко увеличить вероятность заболевания следующими недугами: раком гортани, органов желудочно-кишечного тракта, молочной железы и т. д.

Это обусловлено тем, что в воде, как бы там ни было, но имеются органические соединения, которые после взаимодействия с хлором провоцируют образование канцерогенных соединений, в частности трихлорметанов. А превышение дозы не только придает воде запах хлора, но и крайне вредно воздействует на печень и другие органы.

Естественно, что уследить за невежественными работниками хлораторных станций нет возможности по их журналам, так они ведут строжайший учет и контроль доз хлора. А при наших проверках постоянно получается, что у них идет гиперхлорация. Они в свою очередь ссылаются на сильнейшее загрязнение воды органикой, и что они вынуждены увеличивать дозы. Практически постоянно в питьевой воде имеется привкус и запах хлора огранолептически. При этом бактерии, вирусы не уничтожаются, потому что не выдерживается необходимое время контакта хлора с водой.

Практически постоянно происходил двойной ущерб организму людей. Бактериально – вирусное заражение и удар хлором.

Я почему так подробно останавливаюсь на этом вопросе? Да потому, что львиная масса проблем в моей предстоящей работе была связана с инфекционной заболеваемостью личного состава дивизии. А семьдесят пять процентов заболеваемости нам давала крайне некачественная вода. Миллионы гривен тратились на лечение солдат, вместо того, чтобы изыскать возможность радикально решить проблему с водообеспечением.

Да, в домашних условиях члены семей военнослужащих воду кипятили, отстаивали, ставили все возможные дополнительные фильтры и очистители. Покупали привозную бутилированную воду, и т. д. и т. п. Да, личному составу постоянно готовили, так называемый отвар листьев грецкого ореха. Все военнослужащие дивизии во все годы ее существования круглосуточно носили при себе фляги с этим не очень приятным на вкус напитком. Тем не менее, при малейшей возможности, бесконтрольный боец, забывая, или иногда специально, при отсутствии отвара, употреблял сырую водопроводную воду.

Шеврон и нагрудный знак

Владимир Озерянин

см. ФОТО: нагрудный знак и шеврон.

- Озерянин! – раздался, как всегда, громоподобный голос комдива.
- Я, товарищ полковник!
- Зайди ко мне в кабинет, -полковник Бабич выглядывает во двор штаба из окна кабинета начальника штаба дивизии.
- Есть, товарищ полковник!
- Я как раз пересекал внутренний дворик. Захожу в кабинет.
- Насколько я помню, ты у нас кроме всего прочего еще и, вроде как, художник? – глядя в упор, задает вопрос командир.
- Могу немножко, но нигде и никогда этому не учился.
- Сейчас пошла вроде как мода-веяние на то, чтобы каждая дивизия имела свой индивидуальный шеврон и нагрудный знак. Ты бы смог набросать эскизы?
- Как срочно?
- Да вроде, как вчера надо было.
- Понял, попробую и вам занесу на показ.
- Давай, через пару часов сможешь?
- Постараюсь.

Быстро решаю текущие вопросы по службе и сажусь за стол в своем кабинете. Такую задачу мне выполнять еще не приходилось никогда. Совершенно не предполагая, как она будет воплощена в реальность. Не имея никаких понятий в геральдике, полагаясь только на свои скудные соображения, приступаю к делу. Чего греха таить, всегда нравились мне орлы на немецких нашивках и знаках. А так, как дивизия имеет отношение к небу, то первым делом подумал, что должен быть отображен на шевроне парашют и орел.

Беру стандартный лист бумаги. Циркуля под рукой не оказалось, зато в тумбочке стола была кофейная чашка. Провожу простым карандашом под линейку вертикальную линию, переворачиваю чашку и, соблюдая симметрию, провожу овал купола парашюта. Затем рисую щит, а под куполом взлетающего орла, имея ввиду, что дивизия тогда только набиралась сил, еще вволю не летала, но уже примерялась.

Помнил из школьного курса истории, что когда Ленин поставил художнику задачу нарисовать герб Советского Союза, тот принес ему на рассмотрение эскиз именно того герба, которым впоследствии и пользовались в течении семидесяти двух лет, почти не меняя его. На на том эскизе был меч, который размещался по косой, справа налево, как бы перечеркивая весь остальной рисунок. Ленину эскиз понравился, за исключением меча. Меч он тут же вычеркнул, заявив, что мы мирное государство, нам меч не нужен. И тогда вместо меча были изображены серп и молот.

Но учитывая, что наша дивизия являлась отнюдь не мирным орудием и довольно насыщенно была вооружена, то на моем эскизе решил разместить меч. И как его только не лепил, он никак не вписывался. Пришлось поставить вертикально, в расчете на то, что это только эскиз и, возможно, меня кто –нибудь еще поправит. В лапах орла разместил ленту с надписью «1-я аэромобильная дивизия». По периметру щита сделал ободок малинового цвета, потому

что уже слышал случайно о том, что основной украинский армейский цвет-малиновый. Якобы, знамена запорожских казаков, в основном, были малинового цвета.

Не откладывая в долгий ящик, на этом же листике бумаги, набросал эскиз нагрудного знака – тот же орел, но крылья уже развернутые в полете, тот же купол парашюта над головой орла. При этом пятикопеечная монета послужила для того, чтобы ровно и симметрично вывести дугу купола. В лапы орла я поместил лавровый венок с аббревиатурой, «1-я АЭМД».

После чего понес листок командиру. Ему понравилось. Он вызвал начальника штаба дивизии полковника Нерепу. Тот тоже закивал головой в знак согласия и забрал листок с собой. После обеда уже Нереп вызвал меня к себе. У него в кабинете сидело два гражданских парня, примерно, моего возраста. Оказалось, что это представители фирмы, которая занимается изготовлением шевронов и знаков. И находится она не где-нибудь, а в Кишиневе, соседней нам Молдовы.

Они попросили, чтобы я показал, где, что и в каком цвете отразить, потому что эскиз был в черно белом варианте. Пришлось пометить надписями, где, что и как должно быть. Я все еще не придавал значения своей работе. И понятия не имел, что все это завязано на приличные деньги, но мне об этом никто и ничего не говорил. Пацаны оказались смекалистые, потому что, как оказалось впоследствии, практически очень четко, буквально до миллиметра воплотили все, что я им говорил и что было нарисовано. Тем не менее, как оказалось впоследствии, замполиты-воспитатели все – таки внесли свои коррективы. На шевроне над куполом написали лозунг «Никто кроме нас». На украинском языке, естественно. А на нагрудном знаке обрезали мой веночек с надписью, а вместо него на грудь орлу просто прилепили нашлепку с надписью «1-я аэмд».

Через пару недель те же гонцы, которые принимали заказ, привезли первую партию шевронов и знаков. При этом они за изготовление запросили семьдесят копеек за шеврон и пятьдесят копеек за знак. Без разговоров с ними рассчитались. Если бы кто подсказал, нужно было мне запатентовать свою работу. А начальник штаба тут же на очередном совещании предложил продавать личному составу шеврон за полторы гривны, нагрудный знак за гривну. Комдив молча кивнул, мол, согласен. Тогда гривна еще была по курсу – примерно, один доллар к двум гривнам. Я и тогда не придавал значения этому навару и кому он пойдет в карман.

Прошло три года. Только когда я уехал на трехмесячные курсы повышать свою квалификацию управленца в Киев, то слегка прозрел, потому что встретил свои шевроны и значки в свободной продаже. Ими торговали в киосках печати, на книжных развалах, и даже на так позже называемом, «майдане независимости». Шеврон в 1998 году стоил пять гривен, значок – три гривны.

В дивизии делом торговли эмблемами занялся бывший замполит, быстро переключившийся в офицера оперативного отдела, майор Кулиш. Занимая должность «стой там, иди сюда», был левой рукой начальника штаба дивизии по особым поручениям. Вот это и было одним из его особых поручений. Знак и шеврон, несмотря на колебания гривны, вместе шли примерно за полтора бакса.

Всем военнослужащим, в том числе и мне, независимо от званий и должностей они «впаривались» п р и н у д и т е л ь н о. Семь-восемь тысяч человек, минимум раз в год должны

были приобрести эти знаки за свои кровные, чтобы затем гордо носить их на груди и на рукаве. Комдив как – то похвастался на совещании, что какой – то коллекционер из Бразилии выходил на него и просил за любые деньги продать ему набор в одном экземпляре.

Дивизия существовала десять лет. Вопрос: куда девались те деньги, мне не задавайте. Для меня это тоже загадка. Подполковник Кулиш, выйдя на пенсию, второй раз женился и преспокойно служит клерком в одном из филиалов «Приватбанка» в Одессе. Хвастался как- то мне в телефонном разговоре, что собирается купить яхту.

На мой вопрос, знает ли он, кто является автором знака и шеврона, по моему слукавил, и сказал что нет, не знает. Да и до сих пор мало кто об этом знает из тех, кто тогда служил в дивизии.

Отравление

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО:1.Дорожный указатель.2.КПП полка.3.Полковой плац.

А пока срочно мчусь в гарнизон Веселый Кут. Там ведь по – прежнему дислоцируется артиллерийский полк дивизии. Эта часть на девяносто семь процентов воссоздана заново. От прежнего состава осталось немного старых прапоров на складах, да пары офицеров, которые смогли пустить корни в местную среду, то есть обзавестись семьями с аборигенками. В медпункте тоже оставалось несколько фельдшеров с медсестрами. А личный состав срочной службы полка на сто процентов был завезен свежий. Они, естественно, понятия не имели, что и как было здесь до них. Прервалась естественная преемственность. Так вот медпунктовские штатные бойцы, как всегда, из «сцыкунов-энурезников», проявили инициативу, решили вырыть помойную яму для всевозможных отходов своей жизнедеятельности. Рыть ее начали с тыльной стороны здания МПП.

Интуитивно или все таки кто – то подсказал, копать ее начали в аккурат на том самом месте, где она была и раньше. И откопали они там кучу «добра», которое зарыли в спешке уезжавшие при разделе в Россию их предшественники. А была там груда всевозможных медицинских просроченных препаратов. В том числе и аптечки индивидуальные со своим содер-

жимым. Одним из препаратов в том наборе был антидот, то есть противоядие при отравлении в боевой обстановке фосфорорганическими соединениями (фос). Как оказалось, кроме своего прямого воздействия он обладает и некоторыми побочными. Типа головокружение, ощущение опьянения и галлюцинаций.

Как всегда, даже нам, медикам, об этом никто нигде и никогда не говорил. Ни в период учебы по «Академиям», ни тем более во время службы. А наркоманам, в том числе и с погонами, все давно известно, потому что этого добра в то время много валялось в заброшенных бомбоубежищах и складах гражданской обороны.

Вот и в данном случае, два бойца, которые выкопали «клад», сразу просекли, что есть возможность на халяву побалдеть. Пользуясь случаем, передаю привет бывшему начмеду этого полка, тогда еще капитану Саяпину. Это он, убывая при разделе в Россию, оставил мне этот «подарок».

Все, что было изложено выше, стало известно после проведенного мною расследования. А пока что средний медперсонал медпункта выполнил свою функцию в пределах возможного. Промыли желудки халявщикам, любителям нырнуть в параллельный мир, поставили капельницы с физраствором, ввели что имели внутривенно, чтобы облегчить состояние «пострадавших». Немедленно доложили куда следует о происшествии. Относительно быстро из Одессы прибыл санитарный вертолет. Ублюдки в бессознательном состоянии были доставлены в окружной военный госпиталь, где их благополучно вернули в мир реальный.

Мне только оставалось составить акт об уничтожении находок. Сочинить рапорт о происшествии командиру. Хеппи энд, как говорят нелюбимые мною наглосаксы.

А мне очередная зарубка на носу

Дизентерия

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО: Главный корпус Болградского гарнизонного военного госпиталя.

С утра вроде никакие предвестники меня не беспокоили. Новый день тоже не предвещал особенностей. Прибыл в штаб, открываю дверь в кабинете, слышу, трезвонит телефон. Дежурный врач из медицинского батальона доложил, что в инфекционное отделение гарнизонного госпиталя из сорок пятой бригады за ночь поступило семнадцать человек с подозрением на дизентерию. Бросаю все текущие дела, и мчусь в инфекционное отделение. Здесь же на территории госпиталя встречаю недавно прибывшего в бригаду начмеда, подполковника Вельчева. Бывает и такое в армии, подполковник в подчинении у капитана. Он хоть родом и из местных, но ни здесь, ни в ВДВ до этого не служил. Нашей специфики еще не знает, ситуацией не владеет.

Идем вместе с ним в боксы и палаты проводить допрос поступивших, с «пристрастием». То есть собирать анамнез*. Нас встречает начальник инфекционного отделения майор Бочаров. Приятный внешне и по характеру доктор. С ним знаком давно, еще со времен службы в санэпидлаборатории. На немой вопрос глазами, он тут же ставит меня в известность, по результатам ректороманоскопии* есть все основания полагать, что у поступивших именно дизентерия. Окончательный диагноз он поставит по результатам бактериологического посева*.

Моя текущая задача – по возможности выяснить, где бойцы могли зацепить заразу. Для этого крайне необходимо с ними пообщаться, расспросить... Где были, что ели, что пили. С одного они или с разных подразделений и т. д. Эпидемиологический анамнез, называется.

Он включает совокупность сведений о больном, коллективе, с которым была связана его деятельность, и территории, где могло произойти заражение. Эти сведения необходимо увязать и использовать для постановки диагноза, выяснения источников инфекции, путей ее передачи и выбора мер, исключающих дальнейшее ее распространение.

Информацию собираю, как в инфекционном отделении, так и в процессе эпидемиологического обследования очага. Для этого необходимо поехать в сорок пятую бригаду. Наряду с больным (и), с целью выявления условий заражения опросить сослуживцев и других лиц, окружавших заболевших.

Сбор сведений начинаю с выяснения даты начала болезни. Так как установить ее трудно, то прослеживаю день за днем период, примыкающий к предполагаемой дате. Далее выясняю возможность заноса инфекции больными, прибывшими из отпусков, командировок, полевых выходов и т. д. Выясняю военные профессии (специальности) заболевших и их занятия в последние дни, недели. Учения,

развед. выходы, выезд на стрельбы и т. п. В ряде случаев уточняю характер питания и употребления продуктов, не входящих в постоянный рацион. Употребление пищи в солдатской чайной, магазине военторга, посылки из дома и т. д.

Для получения сведений о качестве воды для питья и гигиенических целей, отправляюсь на гарнизонную водонасосную станцию. По заверениям персонала и начальника станции, у них проблем нет. Они подают потребителю исключительно доброкачественную воду.

Сбор сведений о местности начинаю с территории, на которой находились заболевшие (полевой лагерь, места отдыха, ночлега и т.п.). Устанавливаю наличие на данной территории инфекционных заболеваний, полей ассенизации, и других объектов, представляющих интерес в санэпидотношении применительно к данному заболеванию. Да, наш дивизионный учебный центр, имеет многолетнюю эпидемическую историю. Весь его грунт перенасыщен вирусами гепатита, и возбудителями кишечных инфекций. А весь личный состав по тому или иному поводу, круглосуточно возится в полигонной грязи. И зацепить там любую заразу, вполне реально.

Пришлось опросить всех поступивших на тот момент. Конечный результат был неутешителен для меня. Несмотря на разнообразие в ответах заболевших десантников, вывод из расследования напрашивался один. Причина «вспышки»* – в недоброкачественной водопроводной воде, которую они употребляли в сыром виде, и в халатном отношении командиров всех рангов и степеней к вопросу ее потребления. И снова же нарушение пресловутой, упоминаемой мною ранее, преемственности. Если до раздела дивизии все командиры прекрасно знали и понимали существующую постоянно угрозу заражения, то основная масса вновь прибывших офицеров и прапорщиков, отнеслась к нашим неоднократным предупреждениям спустя рукава.

Первым делом докладываю о ЧП командиру дивизии. Он поначалу особого значения моему сообщению не придает, потому что видел и пережил уже и более массовые случаи заболеваемости. Но, естественно, интересуется, что надо

делать. Слова о том, что придется докладывать моему Одесскому начальству, воспринимает в штыки. Я его понимаю, но согласиться не могу. В таких случаях медик всегда оказывается между двух огней. Хорошо, если вспышка будет подавлена своими силами, в зародыше. Тогда и вопросов нет. Если же она будет продолжаться по нарастающей, то шила в мешке не утаишь. Начальник инфекционного отделения госпиталя обязан докладывать своему вышестоящему начальству по каждому единичному случаю инфекционного заболевания, не говоря

уже о групповом и массовом. Те же, по любому замыкаясь на начмеда округа, ему доложат. Тот, само собой, в ярости спросит ненавистного ему начмеда дивизии, а почему это я молчу, не докладываю, то есть скрываю, тем самым иду на служебное преступление.

Если же я скрывать не буду и доложу все, как есть, мой окружной шеф немедленно доложит о происшествии командующему округом. Тот в свою очередь мгновенно замыкает круг, потому что начинает снимать стружку

с моего комдива. Типа, что там у вас происходит, и почему вы допустили. Комдив, слабо владея нюансами в этой медицинской шараде, начинает нечленораздельно мычать, тем самым усугубляя дело. Весь процесс снова же замыкается на мне.

Пытаюсь объяснить своему командиру, что докладывать по любому придется, потому что информация все равно к исходу дня всплывет через не подконтрольный нам госпиталь.

– А ты уговори начальника инфекционного отделения, чтобы не докладывал на верх, – это он мне говорит.

– Я для него никто, он не обязан идти мне на встречу за красивые глазки.

– А я для чего тебя на должность поставил? – говорит полковник в явном раздражении, все еще сдерживая себя, но явно, всем своим видом намекая, мол, я тебя выдвинул на самый верх в медицинской службе дивизии, чтобы ты мне всякие пакости приносил?

И я его прекрасно понимаю. Глядя на командира, я пытаюсь заглянуть под крышку его черепной коробки и прочесть его мысли.

«Есть такие начальники служб дивизии, – размышляет комдив, – как, например, начальник продовольственной службы. Он постоянно обеспечивает мою семью всем самым вкусным, что есть на снабжении. Любимый начальник, подчиненный, и как человек хороший!»

Или взять того же начальника горючесмазочных материалов. Не смотря на, якобы, дефицит бензина, он крутится, и регулярно делится, чем Бог пошлет, а посылет он не так уж и мало. Тоже хороший парень. Даже начальник вещевого службы, и тот ежедневно радуется, хотя бы тем, что полным ходом шьет мне генеральскую форму».

Ведь ни для кого не секрет, что наш полковник скоро сменит погоны с двумя просветами на те, что совсем без просвета.

«А вот этот гнусный капитан, – наверное, думает комдив, – только и знает, что раздражать психику генеральскую, если не травматизмом, то всякими засранцами».

О чем на самом деле думает комдив, мне неизвестно.

– Ладно, иди, докладывай своему НеПотребке, – сверкнув глазами, буркнул командир. Так он в сердцах произносил фамилию моего Одесского начальника, Нетребко.

– Только имей в виду, ничем они нам не помогут, кроме как внеочередным наказанием в приказе командующего округом. А все проблемы по – любому придется разгрести нам самим.

– Товарищ полковник, учитывая, что у нас совершенно голая санитарно-эпидемиологическая лаборатория, может быть, что на время вспышки они хотя бы прикомандируют офицеров с СЭО* округа. А это уже будет подспорье, – пытаюсь хоть что – то бормотать с целью оправдать доклад на верх.

– Да уж, эти нам помогут, ладно, иди, занимайся.

Иду в кабинет, и прокручиваю в голове доклад начмеду округа.

– Сколько уже времени прошло с того момента, как тебе доложили о первых поступлениях заболевших!? – не дослушав даже первых моих двух слов доклада, завизжала телефонная трубка голосом Непотребки.

– Два с половиною часа, товарищ полковник.

– И что же ты так долго мучился!? Что, смелости не хватает! Как на то, чтобы породить вспышку, так у тебя хватило времени!? Все, жди, к вечеру я у тебя буду. С комиссией, – и бросил трубку.

Чуть позже узнаю, что утечка информации за пределы гарнизона, в первую очередь исходит от начальника госпиталя. Басюл и Нетребко, оказывается, однокурсники по Куйбышевскому военному факультету. И этот, молдованин, застрявший навсегда, на уровне мелкого госпиталя, таким образом, пытается наскрести очки в глазах своего более продвинувшегося однокашника. Потом он еще неоднократно будет мне «помогать» подобным образом.

Звоню комдиву, предупреждаю, что к вечеру нужно ждать непрошенных гостей. Он, видимо, уже получивший свою порцию наставлений от командующего, только буркнул:

– Твои гости, ты и позаботься.

Звоню Басюлу, прошу приютить членов комиссии в своих апартаментах.

– А я уже в курсе, что они останутся у меня, – отвечает он. Даже не уточняю от кого он в курсе, и так понятно. От Одессы до Болграда, расстояние «небольшое», всего – то, двести пятьдесят километров. Особо не намотаешься. Но сами знаете, для кого, сотня километров не крюк.

А пока что, больные продолжают поступать. И уже из отдельных частей, которые дислоцируются на территории бригады. То есть, тех частей, которые между собой, если чем то и повязаны, так это общим водопроводом. Еще одно доказательство за то, что причиной вспышки является потребление сырой воды. Да, и вновь поступившие это подтверждают.

Инфекционное отделение переполнено. Во дворе отделения начинают развешивать дополнительно палатки. Благо, уже даже по ночам не очень холодно.

К приезду «дорогих» гостей, готовлю документацию.

«Чем больше бумаги, тем чище жо... а», – гласит одна из армейских поговорок. Моя документация заключается в актах на обследование водопроводных коммуникаций. В рапортах и месячных-квартальных отчетах-донесениях командиру и окружному начальнику о состоянии дел и неоднократном предупреждении о возможном варианте появления кишечной заболеваемости. Все они своевременно были им доставлены. На всех этих бумажках имеются их резюме и подписи.

Так что с этой стороны ко мне не подкопаешься, что в последствии и выручило. Спасибо предыдущим учителям, которые, еще начиная со службы в Германии, научили прикрывать свою..., ладно, не буду отображать в тексте, что именно.

А вот и они, уже приехали, и первым делом, понесли в кабинет комдива. Меня предупредил дежурный по штабу. Беру свои папки, и на «ватных» ногах, как на казнь, иду вслед за ними.

Стучусь.

– Разрешите?

– Да, – отвечает Бабич. Захожу, но мне присесть никто не предлагает. Стою у двери. У них междусобойчик. На меня не обращают внимания. Вместе с Нетребко прибыла группа офицеров во главе с полковником Лавренюком, начальником СЭО* округа. Об этом я узнаю по ходу дела.

Комдив в разговоре гнет свою, заранее согласованную со мной, линию, что, мол, главные «враги» - виновники вспышки – кэчевские работники водоснабжения. Это они подают в распределительную систему недоброкачественную воду. Нетребко настаивает на своем:

– Нет, товарищ полковник, главные виновники, отцы командиры, во главе с вами. Это вы не контролируете соблюдение питьевого режима личным составом.

При этом он кидает косяк в мою сторону и, принимая смиренно-покаянный вид, со словами, мол, и не снимаю вины с себя и со своих подчиненных в лице вон того капитана. Он виноват и свое еще получит за то, что не уследил. Сжимаюсь в комок, прикидывая последствия для себя. Они могут быть одни, понижение в должности, но есть еще временные ограничения. Нельзя снимать вновь назначенного офицера, если он ее занимает непродолжительное время. Хотя надежды на этот аргумент мало.

Долго препирались мои командиры с начальниками, пытаюсь перекинуть вину друг на дружку, но в конце концов все же решили, что сначала надо заняться делом, а дело перенесли на утро, так как уже время было позднее. До утра количество поступивших больных в инфекционное отделение утроилось. Встал вопрос о немедленном расширении площади для их содержания.

Выход нашел комдив. Рядом с двадцать пятой бригадой начинал обустраиваться местный филиал «Укртелекома». Территория двести на двести метров. Огорожена добротным кирпичным забором. Из построек пока были только КПП и какой-то вагончик. Местное телефонное начальство пошло нам навстречу, и разрешило временно пользоваться их территорией. К исходу следующего дня здесь и оборудовали изолятор. Развернули палатки, соорудили наружный туалет.

А пока с утра едем на гарнизонную водонасосную станцию. Ее начальник, туземец, по фамилии Волков. Он юлит и извивается выюном, доказывая что со своей стороны делает все возможное чтобы подавать в сеть доброкачественную воду. Мол, он не виноват, что на его объект, поступает вода наполовину с илом. Из-за чего основная масса хлора поглощается органикой, а вода до конца не обеззараживается. Мое начальство кивает головами, цокает языками, разводит руками и соглашается с ним на словах. Круг замыкается. Крайних, вроде как и нет. Но найти их надо обязательно.

Поэтому приехавшие офицеры – эпидемиологи СЭО округа, носятся по военным городкам и казармам. Активно ищут зацепку. А кто ищет, тот, как известно, находит. А что они могли найти? Там и так все лежит на поверхности. И неоднократно изложено в моих актах проверок санитарно-гигиенического состояния частей, а также в месячных отчетах командиру дивизии и НМС округа. Так что в своем многостраничном акте они только более обширно расшифровывают прежнюю информацию.

А это сведения о том, что личный состав частей далеко не всегда употребляет кипяченую воду, так как хозяйственники периодически «забывают» своевременно ее приготовить. Личный состав питается из фарфоровой посуды, которая хронически моется некачественно по причине недостатка горячей (и холодной) воды, а также практически полном отсутствии

моющих средств. Об отсутствии контроля со стороны командиров всех степеней за режимом водопользования. Об огромной утечке воды во всех расположениях частей из сломанных сливных бачков и всевозможных кранов. И так далее. Все эти недостатки, возможно, что и послужили причиной возникновения текущей вспышки кишечных инфекций.

При этом мой окружной шеф, рассмотрев в упор все нарушения санитарии в бригаде своими глазами, расвирепел до такой степени, что заставил комбрига и его помощника по воспитательной работе (замполита), самим проводить дезинфекцию в подразделениях. Из всех щелей и углов личный состав следил, подсматривал и прикалывался от вида своих командиров, которые в ОЗК*, очках и с напыленными автомаксами* хлорировали туалеты и умывальники.

А далее предлагалось (предписывалось): **НЕМЕДЛЕННО** перевести личный состав частей дивизии на питание из индивидуальных котелков. Соответственно, везде где есть необходимость, оборудовать пункты мойки этих самих котелков. Ужесточить контроль за приготовлением отваров и кипяченой воды, а также за постоянной заправкой индивидуальных фляг. Далее еще целый ряд пунктов по соблюдению личной и общественной гигиены личным составом частей дивизии. Но не буду утомлять читателя их перечислением.

Мое начальство, погрозив мне напоследок пальчиком, умотало в свою Одессу. Мы приступили к устранению недостатков и выполнению пунктов акта, составленного по результатам работы комиссии. Через пару дней пришел и приказ командующего округом. В нем всем должностным лицам были розданы «подарки» разной степени жесткости. Мне – простой выговор, с оговоркой, мол, ограничиваюсь столь «нежным» наказанием, только из-за непродолжительного пребывания в занимаемой должности. И на том спасибо вам, товарищ командующий.

Катастрофа нарастала с угрожающей силой. В течении последующей недели в палатках нашего «пионерлагеря», уже находилось около восьмисот носящих десантников. Практически весь медперсонал дивизии и гарнизона работал за этим закрытым забором. На лечение солдат тратились колоссальные средства, которых, как всегда, не хватало на капитальный ремонт водопроводной системы. Правда, к середине второй недели заболеваемость пошла на спад. Количество выписываемых стало превышать количество поступающих.

Тем не менее, боеготовность дивизии была основательно подорвана. Хорошо, что мы уже были «нэзалэжными», и НАТО если и знало о наших проблемах, так вроде нападать на нас не собиралось. Румыны, которые претендуют всегда на эту территорию, еще побаивались крошить батон в нашу сторону. Кравчук только приступил пилить наши ракеты с ядреными боеголовками, а кое – что еще и оставалось.

В период борьбы с дизентерийной амёбой произошло одно заметное для дивизии событие. Но прошло оно для меня, как рядовое, и типичное. Из округа приехал какой – то генерал, и как – то буднично, на утреннем построении во дворе штаба вручил полковнику Бабичу генеральские погоны под наши жиденькие аплодисменты. У меня тогда в голове проскочила такая крамольная мыслишка: " В приснопамятные царские времена были такие чинопоминания. Пехотных называли генерал от инфантЕрии, далее шли генерал от кавалЕрии, генерал от артиллЕрии, а наш теперь для меня будет, генерал от дизентЕрии».

Пока возились со вспышкой дизентерии, на место Басюла прибыл вновь назначенный приказом министра обороны, неизвестный мне майор Стельмошонок. Еще почти месяц, подвинутый с должности и уволенный Басюл приходил ежедневно в свой бывший кабинет, как

на работу. Никак не мог поверить, что его посмели снять. При встречах плакался мне, что это Нетребко такой-сякой, снял его с должности. В свою очередь, Стельмошонка тоже начал мне жаловаться, что предшественник мешает работать, не отдает ключи от сейфа, вмешивается в руководство подчиненными, вставляет палки в колеса, где только можно.

– Во первых, пошли его подальше Во вторых, пригрози вызвать наряд из комендатуры и милиции. В третьих, пожалуйся нашему общему начальнику.

Он так и поступил. Возня с приемом – передачи должности в госпитале скоро закончилась.

А вскоре и вспышка притихла на нет.

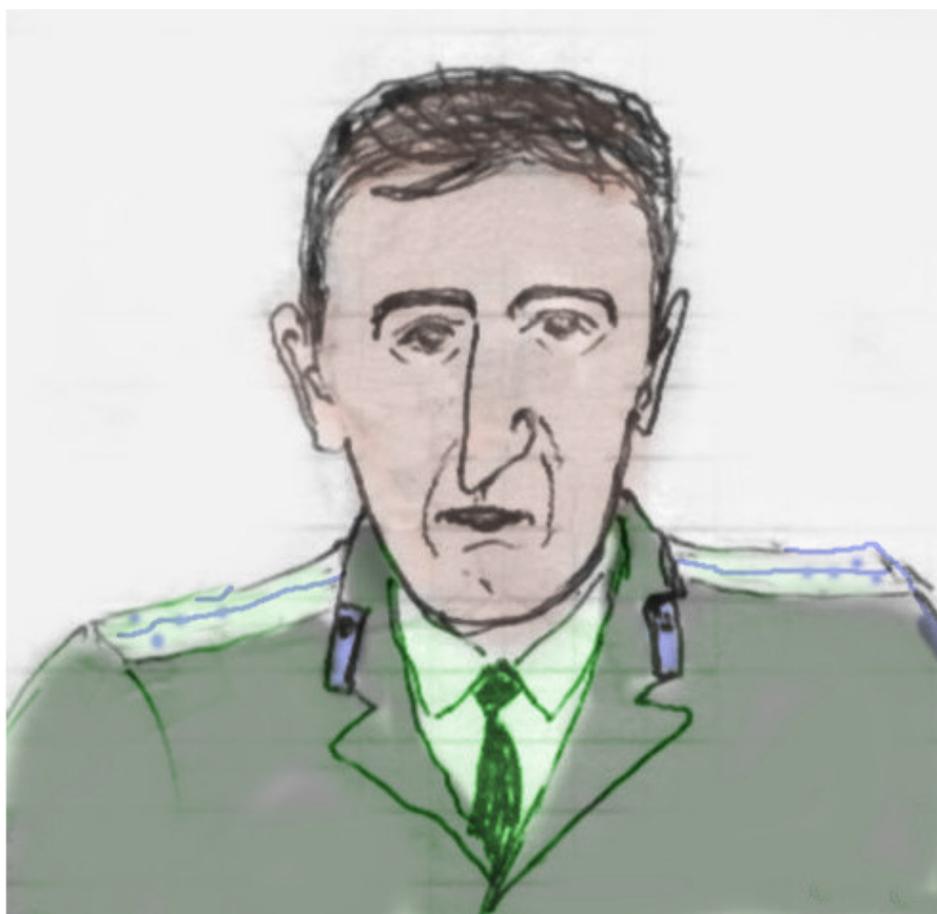
*Анамнез-совокупность сведений, получаемых при медицинском обследовании путём расспроса самого заболевшего.

*Ректороманоскопия- обследование слизистой прямой кишки у больных подозреваемых на кишечную инфекцию, с помощью спец. прибора в виде трубки.

*Вспышка-специфический эпидемиологический термин о кратковременном повышении инфекционной заболеваемости.

*Бактериологический посев-мазок из анального отверстия, посеянный на специальную среду, где бактерии успешно размножаются.

*СЭО-санитарно-эпидемиологический отряд (отдел) -округа.

Мой заместитель
[Владимир Озерянин](#)

см. РИС. Шарж на моего заместителя.

(рисовал во время службы..., заливку-расцветку делал уже сейчас, на фотошопе.)

Выхожу со штаба дивизии, собираюсь ехать по частям с функциями санитарно-эпидемиологического контроля. Дизентерия ведь полностью далеко еще не прекратилась. Просто перешла во вялотекущую фазу. Плюс как всегда об руку с ней, ходит вирусный гепатит. И у меня по прежнему нет зама- эпидемиолога. Спускаюсь вниз по ступенькам крыльца. Но мне на встречу, прямо лоб в лоб, поднимается какой то старший лейтенант. С медицинскими эмблемами в красных петлицах. Одет в повседневную форму. Лицо смуглое, с семитскими чертами, заувалированное под европейское.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться, старший лейтенант Тверезовский. Прикладывает он кисть правой руки к обреза околыша фуражки.

– Ну рискните, товарищ старший лейтенант, – типа шучу я.

– Я прибыл для дальнейшего прохождения службы в ваше распоряжение! Странно, букву «Р» выговаривает почти не грассируя.

– И в качестве кого же?

– На должность эпидемиолога дивизии, вашего заместителя. Оба-на, подумал я. Вот и снова армейское счастье привалило. Это же сразу половина моей нынешней работы с плеч долой. По такому случаю поворачиваю оглобли назад, в кабинет.

– Пойдемте со мной. Говорю ему и подаю руку. Здравоваемся. Кисть руки, не смотря на жару, вроде не скользкая, сухая, но не жесткая. Страх как не люблю здороваться с теми, у кого руки жирно-потные, вялые, и пальцы как сосиски. Заходим в кабинет.

На мое предложение старлей докладывает, с 1984—1988 гг. Харьковский медицинский институт; 1988 – 1990 гг. Военно-медицинский факультет при Куйбышевском медицинском институте (г. Куйбышев), лечебный факультет. Последнее место службы НИИ, в городе Калинине – то бышь пардон, теперь Твери. Не могу сказать, что я когда либо относился предвзято к выходцам из научных учреждений. Но так как они люди обычно далекие от войскового звена, то не могу сказать что я сильно обрадовался появлению возле меня представителю сего закрыто-кулуарного клана. Было понятно и то, что не произойди развала Союза, это «светило науки», никогда бы не появилось на моей орбите. Но видимо какая то ситуация у него сложилась так что он был вынужден оказаться здесь.

Ну да ладно, как говорится дареному коню... Поживем посмотрим. Подобрали его для меня кадровики, по моей настоятельной просьбе, с помощью спецов СЭО округа. Я все никак не мог смириться с тем, что ко мне уже никогда не придут подготовленные именно для ВДВ, кадры из бывшей моей ВМедА. Тошно было мне смотреть на эти мешкообразные индивиды с гражданских институтов, и курсов «выстрел»*, под названием военно-медицинский факультет.

В наших взводах, в академии, были все как один, стройные, легкие, поджарые. А эти, смех один, а не военные. У него же задница, тяжелее всего остального туловища. Типичный кабинетный вояка.

А для того чтобы посмотреть на его реакцию, кратко объясняю, что у меня здесь увы, нет для него возможности продолжать заниматься извлечением бальзамов из пыли да из плесени. То есть здесь ему, не скоро засветит возможность переставлять любимые пробирки с микроскопами. Он что то там буркнул насчет того, что будет заниматься тем, чем я прикажу. И тогда кратко ввожу его в курс дела. Рассказываю о том что вся наша дивизия находится в состоянии

бесперывной борьбы с различными заразными напастями. Которые на данный момент куда актуальнее, чем румынская, турецкая и вся натовская угроза вместе взятые. Война вялотекущая, с переменным успехом. На данный момент наступило временное затишье. Но это не значит, что в любой момент не запылет с новой силой.

И теперь его задача, возглавить передовую линию этого фронта.

– Вы сможете потянуть эту работу? Задаю вопрос в лоб.

– Буду стараться, товарищ капитан. Посмотрел он не совсем уверенно, на меня в упор, из под широких, почти Брежневских бровей. Ну-ну, посмотрим, – подумал и я, – как МНС* сможет справиться с жесткой, полевой работой. Затем повел его в рядом расположенную, санитарно-эпидемиологическую лабораторию, которую и предстояло ему возглавить.

Как бы там ни было, но лично мне стало на треть легче тянуть службу. Чтобы оправдать свое назначение, новоиспеченному эпидемиологу пришлось на долго забыть о своей бывшей, скучной кабинетной службе. Со временем он стал неплохим исполнителем моей линии в профилактической работе. Учился на ходу, и довольно быстро. После того как я пару раз объяснил что для него в дивизии есть только два начальника. Командир дивизии, и я. Усвоил мгновенно. Очень скоро запищали командиры частей и командирчики подразделений, от его непрерывной систематической требовательности, и настойчивости. Чему я был только рад.

В этот период, меняя друг дружку почти постоянно в дивизии еще работали прикомандированные гигиенисты и эпидемиологи с санитарно эпидемиологического отряда округа. Видимо тогда их по штату там был переизбыток. Вот начальник этого отряда и распихивал по дивизиям и частям, чтобы глаза не мозолили. А так как у нас зараза давно спряталась по схранам и окопам, то они от безделья дурью маялись. Жили в одном из больших пустующих пока кабинетов поликлиники, и непрерывно пьянствовали. Поначалу, как гостеприимный хозяин, я их даже снабжал, добывая всеми правдами и под обещания, различное пойло. Потом они уже стали сами нагло требовать, давай еще! В конце концов пришлось жутко возмутиться. В сердцах обозвал их насосами. Они поплакались на мое «нехорошее» к ним отношение, своему командиру. После чего им было приказано убыть на место постоянной прописки.

Заполокин

Но вот пришло очередное лето и гости заявили вновь. И не простые, а сам главный профилактический доктор МОУ*, с Киева. Полковник Заполокин. Ситуация в тот период сложилась любопытная. В советские времена на территории Украины было три военных округа. Киевский, Прикарпатский и Одесский. Когда СССР, оторвалась как льдина от материка и ушла в свободное плавание, тут же начали кроить и рвать ее военную карту. Все кто до того служил в столичном округе, автоматически превратились в руководящие отделы для остальных округов. Так и этот полковник, начальник окружного Киевского СЭО, из обычного клерка, и вчера еще равного для своих товарищей по округам, волею судьбы превратился в начальника для них.

Теперь вчерашние уже соратники, благоговейно встречали его в своих поместьях, как гоголевского ревизора. Вот и наш, окружной начальник СЭО, полковник Лавренюк, решил привезти своего Киевского шефа, аж в Болград, отдохнуть. Типа с проверкой, пользуясь причиной как неблагополучного по эпидемической обстановке, гарнизона. Мне нужно было в очередной раз без особой на то надобности, крутиться. Изображать радушие и гостеприимство. Срочно пополнить запасы вино-мясо-колбасно-рыбных и прочих припасов. Он же естественно едет не один, а с целой свитой. Плюс сопровождение от насосов Одесских. Итого более десяти морд, а еще и мы, в качестве прислуги.

Пришлось само-собой, ставить в известность комдива, о прибытии киевского лиха. Потому что они же не спрашивают где все это я беру. Они только констатируют факты. Вкусно напои, накорми и в чистое спать уложи. А во что это обходится, никого и никогда не интересовало. И не дай Бог, чемнибудь не угодить. Напрягаю все подчиненные и косвенно затрагиваемые нами службы. Добываю все что необходимо, и встречаем не прошенных.

Первым делом, для вида, они всей свитой, совершают рейд по частям. Знакомятся с бытом и обеспечением личного состава. Долго общаются с комдивом и его замами, типа замполиту и начальником отдела по воспитательной работе. Те как всегда заверяют что будут работать не покладая рук, лишь бы предотвратить появление очередных вспышек инфекции. Я и все присутствующие, прекрасно понимают что все это только красивые слова. Но всем так хочется в это верить.

После круиза по частям, и «трудных» баталий языком, уставшие гости требуют отдыха. А у нас уже давно все под парами. Осталось рассестись по машинам, и вперед, на тринадцатый километр. Там находится дивизионный дачный поселок и база отдыха. На прибрежной зеленой травке, под плакучими ивами, накрываем стол. Вино красное и белое. Сухое и крепленое, и все это по три-четыре-пять наименований. Мясные и рыбные блюда. Фрукты и овощи, которые произрастают здесь в изобилии. Само название нашего города расшифровывается с болгарского языка как Бол- изобилие, и град, сами знаете. Гости, как древние римляне, возлежат вокруг яств, на откормленных боках. Только вместо туник, обычные майки и и сатиновые трусы, вперемешку с плавками.

Пьют, едят-наяривают, да нахваливают напитки с закусками. Ну и нас иногда. Точатся, журчат, как наливаемое в стаканы вино, вялотекущие разговоры на животрепещущие, эпидемические темы. Но и они, под воздействием «кабэрнэ» и «солнца в бокале», постепенно стихают. Только периодические водные процедуры снова взбадривают компанию, и заставляют

пригубить очередную порцию охлажденного «алиготэ» или «мерло». За пять часов активного отдыха, все съели и выпили.

Наш сарделькообразный, киевский бугор, устал до отрыжки. Повернулся спиной к столу, лежа на боку, собираясь подремать в густой тени. Но прежде чем издать громкий храп, произнес фразу, повергшую всех присутствующих в страх и трепет:

– А вот селедку к столу так и не подали... и захрапел. Мы все присутствующие переглянулись. А ведь действительно, забыли, в машине, в одной из многочисленных кастрюль, осталась почищенная и нарезанная селедка. И он видел, торчащие из под крышек хвостики. И весь день ждал. А мы, «сволочи», зажали ее, не подали барину на стол. Да пошел ты, чмо, – подумал я про себя. Потому что лично для меня он ничего из себя не представлял. Если я его принимал и терпел, то только из-за уважения к нормальному и толерантному, полковнику Лавренюку, начальнику Одесского СЭО. Но одесситы испугались не на шутку. Даже мне стало их жаль.

Поэтому, по возвращению на госпитальную базу, все, всю дорогу угрюмо молчали. В палате где их ничтожество изволило опочивать, по быстрому снова засервировали стол, где среди прочих закусок, по середине, красовалась и не съеденная днем селедка. Полковник молча, в одиночестве, на ночь ее и захомячил. Утром тоже без особого разглагольствования проводили мы обиженного полкана в столицу. Больше никогда я его не видел.

Со временем, кураторы вообще прекратили к нам ездить. Мы уже были и сами с усами. Потому что в первую очередь, вновь назначенные командиры всех степеней, приобрели определенный опыт, и сами убедились, что в этом регионе шутки шутить с инфекцией не стоит.

В течении двух последующих лет, наша санэпидлаборатория была худо-бедно укомплектована врачами и лаборантами по полному штату. Пока я сам в ней работал, то у меня была постоянная несбыточная мечта, чтобы мы, врачи профилактики, полностью вышли из подчинения командованию частей. И такая идея давно бродила в санитарно эпидемиологических учреждениях еще Советской Армии. Но бывшие тыловики, особенно самого высокого уровня в те времена, ни за что не желали выпустить медиков на волю. Потому что боялись как бы мы им не стали мстить за десятилетия жестких притеснений. Мотивируя это тем что мол, во все века медики снабженцам подчинялись, и ничего страшного не произошло. Что мол мы же по любому тоже относимся к службе обеспечения, поэтому наше место только в тылу, и в ихнем подчинении соответственно. Скрипели медики зубами, а поделать ничего не могли.

И вот она, «польза» от народившейся на просторах СНГ, «демократии». Где то и как то, киевские врачи-профилактики, уговорили, убедили, уломали верхи, чтобы санэпид лаборатории вывели не только из подчинения командирам, и крысам-тыловикам, но даже и из подчинения медикам-лечебникам. То есть полностью стать самостоятельной, и независимой ни от кого службой. Но сначала, для проформы, главных врачей СЭО МОУ, разослали даже по войскам, чтобы они формально спросили наше мнение. Один из таких полковников, по фамилии Пивнык, прибыл с Киева и ко мне, лично. Так мол и так, – говорит он, -в верхах созрело мнение отделиться нам от всех, чтобы быть независимыми ни от кого. Дабы превратить нашу службу в меч карающий. Как вы здесь, в войсках, смотрите на эту идею?

Натерпевшись и настрадавшись в свое время от в первую очередь тыловиков, и во вторую от «отцов» командиров, я стал горячо поддерживать и ратовать за внедрение этого предложения в жизнь. Полковник поблагодарил меня, и убыл в столицу.

Прошло не так уж и много времени. Мой подчиненный, командир медицинского батальона, Яцык на глазах, внезапно «вырос», и был переведен в город Белгород- Днестровский. Хотя и на равнозначную по званию, но всеравно с повышением, должность начальника гарнизонного госпиталя. То есть ушел в автономное плавание. Хорошо иметь подъемный кран в верхах. Из него был комбат как из г..на пуля, но пару лет продержался, в не им созданной структуре. Но речь сейчас не о нем.

Тут же стал передо мной вопрос, кого назначить комбатом? Из достойных я пока видел только своего зама. Но это значило снова оголить свою спину, остаться без эпидемиолога в дивизии. Обрато на круги своя вернуться, и без передышки тянуть всю службу на своем горбу. И тут как под заказ, приходит директива МО, о выводе из подчинения командиров, во всех звеньях войскового звена санитарно эпидемиологической службы. Проще говоря у меня отбирают дивизионную лабораторию, и передают в прямое подчинение одесской СЭО.

Мой «верный бейлиф»*, то есть заместитель, то есть начальник СЭЛ дивизии, капитан Тверезовский. Как змей искуситель, прикинувшись гофрированным шлангом, выбрав вечернее время, когда уже мы за день уставшие, стал проситься, вполголоса, с нашептыванием, – Владимир Кириллович, поставьте меня комбатом. Все равно лаборатория уже не наша, а так я по – прежнему, останусь при вас. Сначала глаза мои округлились, но тут же пришлось признать что он прав. На данный момент более достойной кандидатуры и не было. Пришлось поневоле дать добро.

Это уже не первый раз я его облагодетельствовал. И жену ему трудоустроил, призвал санитарным инструктором на службу. Хотя ее образование и не соответствовало нужному профилю. И квартиру в новом доме для него пробил, хотя сам на то время по прежнему сидел на пятом этаже без воды и тепла. Да и комдив долго сопел против выделения, но пришлось его убедить что эпидемиолог в дивизии один, и он достоин. Теперь вот еще и должность, равнозначную своей, даю. И не жалею о содеянном. Мои шефы мне тоже доверяли и помогали неоднократно.

На второй день кадровая чехарда с моей подачи закрутилась мгновенно. Комдив со мною тоже согласился. Пока мой, теперь уже бывший, зам принимал должность командира батальона как И.О., тут и соответствующий приказ с верхних штабов подоспел. Пришлось снова учить скороспелого, как частью командовать. Но отдаю должное, в отличии от своего предшественника, учеником он был не плохим. Понимал с полуслова, и ловил все мои указания на лету.

А теперь, на уже совершенно независимую от меня, и командования дивизии санэпидлабораторию, прислали молодого, сопливого, старшего лейтенанта. Долго, пригоршнями глотал я горе, от этого нововведения. О котором в свое время сам, так настаивал. Потому что теперь, ничего абсолютно не делающий старлейтор, давал «ценные указания» не только командирам частей и командиру дивизии, но и мне самому. Приходилось снова, засучив рукава самостоятельно впрягаться в профилактическую работу. А те, которые должны были этим заниматься непосредственно, оказались в роли сторонних наблюдателей. Потому что они совершенно не заинтересованы в санитарно-эпидемическом благополучии контролируемых частей. Зато очень быстро освоили и усвоили, что с подконтрольных, можно активно выкачивать дань. Коррупционный орган в чистом виде. И так, всякое благодеяние в этой жизни наказуемо. Поделом мне.

С моей подачи, очень быстро подмял под себя медицинский батальон, и мой бывший зам. Подчиненные, особенно вечная оппозиция, начали роптать. Сам новоиспеченный комбат докладывал теперь мне что горлопанам кислорода не хватает. Возмущаются что он их заставляет быть кроме как врачами, так еще и офицерами. Видите ли «берцы»*, одеваемые раз в месяц на построение, очень ступни жмут. Подавай им туфельки, а желательно вообще только сандалии. А плотный рабочий график, это вообще не для них писан. Как всегда, громче всех визжал, самый загруженный, доктор-лор, Ждиленко. Из местных, да ушлых. Тверезовский бегал ко мне, советоваться.

– Владимир Кириллович, как быть? Никак не угомонятся наши «перегруженные».

– Кто конкретно?

– Бодоляк, Ждиленко, Замарюха, Кошельман...

– Вот видите, среди них нет фамилий ни одного хирурга. Те, которым реально некогда в небо глянуть. Те, которые пашут в поте чела независимо от времени суток, им некогда плакаться на судьбу. А стонут и визжат аптекари, дерматологи, и самые тупорылые, типа терапевта Бодоляка и лора- Жидленка. Никаких послаблений этой своре. Зажимайте болты и гайки по прежнему, но в рамках устава, и не более. Будет у них меньше времени на шиш-беш.

Тверезовскому не надо было повторять дважды. Через пару месяцев, с не секретного делопроизводства мне приносят письмо. С пометкой: «Разобраться и доложить!». Как оказалось, подметное. Вскрываю и читаю. Написано на имя начальника ГВМУ* в Киев.

«– Товарищ генерал! Мы, нижеподписавшиеся, (слезно) просим Вас помочь нам в службе... Командир нашего медицинского батальона, (зверь) этакий, житья нам не дает. Кровь из нас ведрами пьет. Уже нет никакой мочи, терпеть все это! И еще товарищ генерал, все эти безобразия в нашей части творятся при прямом попустительстве со стороны начальника медицинской службы дивизии...» А внизу стоят фамилии и подписи все тех же, «униженных, обиженных и оскорбленных». Круг как говорится замкнулся.

Вызываю комбата.

– Как смотрите товарищ капитан на маленький стресс? Хобот у капитана вытянулся вдвое, глаза сошлись к переносице, в кучу.

– Предлагаю ознакомиться. И подаю ему кляузу. Он внимательно читает, семитский шнобель от волнения, уже касается кончиком подбородка.

– И шо теперь мне делать? Пытаясь скрыть эмоции, спрашивает не на шутку перепуганный командир.

– Сейчас едем в спортзал. Мне сообщили, что комдив находится там. Проконсультируемся с ним.

Наш генерал по прежнему считает дивизионный спортзал продолжением своей квартиры. В любое свободное от службы и дома время, он проводит там. Правда уже менее за спортивными снарядами, и более в компании приближенных. Вид спорта, в основном литробол. Тем не менее начфиз дивизии у него первый кореш. У дневального на входе уточняем где комдив.

– У начфиза в кабинете. Отвечает боец. Мне понятно, значит, проводит совещание в задушевной компании.

– Разрешите товарищ генерал?

– Заходите, всегда пожалуйста. Он добродушно улыбается, своими губами- сосисками. Но тем не менее глаза встревожено-вопросительно смотрят на меня. Медики ведь такие сволочи, что никогда с хорошими новостями просто так командира не беспокоят, аж в спортзале.

Мне так и хочется на словах успокоить генерала, мол ничего особенного, не переживайте. Но я только кистью руки жестикулирую, что мол напрягаться не стоит. И протягиваю ему конверт. Он внимательно изучает содержимое. Мы стоим в напряжении. Прочитав, снова закладывает письмо в конверт и опускает его в боковой карман своего кителя.

– Можете не волноваться. Присаживайтесь. Я им так напишу, что они у меня света белого не видят. Леша наливай. Алексей-начфиз*, подает нам фужеры. Кроме начфиза и Бабича, за столом еще каких то трое туземцев. Нам наливают красное вино. Командир знакомит с нами своих гостей. Оказалось что это новые местные предприниматели. А они, как и еще недавно, бывшие председатели колхозов-совхозов, ходят к комдивам по одному поводу. Помощь заключается в одном, помогите халявной рабсилой. То есть выделите энное количество солдат, на сбор урожая. И приходится выделять, и помогать. Потому что и от них, для дивизии многое чего постоянно требуется.

Делаем по пару подходов к снаряду, имеется ввиду, к стакану. Напряжение спадает, и мы отчаливаем на обед. Больше эта информация нигде не всплывала. Я видел что подписанты еще в течении пары месяцев чего то ждут, приунывши. А потом все стихло. Я не злопамятный, но фамилии «виконтов-доброжелонов» помню всегда. На всякий случай.

*курсы «выстрел» – в просторечии так называли, кратковременные курсы по подготовке младших офицерских командиров.

*МНС- младший научный сотрудник.

*МОУ-министерство обороны Украины.

*бейлиф- (тюрк.) -помощник шерифа.

*берцы- армейские ботинки.

*ГВМУ-главное военно медицинское управление.

*начфиз- начальник физической подготовки.

Аэромобильный госпиталь

Владимир Озерянин

см. ФОТО:1.вырезка из газеты- на трибуне справа налево генерал-майор О. Бабич, за ним военный атташе Франции, следующий посол, но он настолько мелкий что его не видно, далее глава администрации района И. Македонский, следующий п-к А. Нетребко, за ним я, но меня за ненужностью журналиста обрезали..) 2.внутренние интерьеры в палатке.3.Этикетка которая была наклеена на всю тару.4.прохождение торжественным маршем на плацу бригады.5. через дверь ИЛ-76 выглядываю я и кто то из экипажа.6.Загрузка очередного «урала». 7.внизу работают наши хирурги.8.госпиталь в развернутом состоянии, вид сверху.

Еще будучи лейтенантом в санэпид лаборатории, краем уха слышал разговор начмеда дивизии Бориса Гребенюка, с кем -то из приезжих офицеров-москвичей. Разговор шел о том, что давно, мол, пора превратить медицинские батальоны наших десантных дивизий в госпиталю. По той причине, чтобы максимально надолго закрепить специалистов на местах. Дела до того обстояли так, что должности практически всех врачей, специалистов медицинского батальона были старшелейтенантские и капитанские. Только начальники отделений – майоры, да командир батальона -подполковник.

Дорастал хирург или терапевт до капитана, оттачивал свое мастерство и начинал страдать. Страдали они от того, что их коллеги-однокурсники в обычной пехоте переводились в госпиталю, а там

начинали расти до полковников и выше. А brave десантники ущемлялись по всем правам и параметрам, потому что старели, а роста и перспектив – ноль. Вот и поглядывали по сторонам. Вот и переводились всеми правдами и неправдами в другие войска. Туда, где можно было достигнуть высоты в соответствии со своими знаниями и способностями. Попросту сказать, убегали с доблестных ВДВ куда глаза глядят.

В результате была огромная текучка кадров. А качество медицинского обеспечения личного состава, соответственно, сильно страдало. Кто-то умный предложил, мол, давайте превратим эти недоношенные медбаты в госпиталя. Поднимем планку для ординаторов до майоров-подполковников, пусть люди спокойно себе служат, не дергаются. Но на дворе стояла перестройка.

Перестраивали под руководством «меченого прораба» все. Но только с ног на голову, а не так, как надо, как должно быть. Идею на верхах никто не поддерживал. Какое дело Горби до проблем медиков каких то там ВДВ...

Так и Союз развалился, а медбаты, как были, так и остались, ничего не изменилось. Но, могу только догадываться, что могло повлиять на то, чтобы вопрос сдвинулся с места при пьяном Ельцине. Может потому, что министром обороны при нем стал командующий ВДВ Грачев? А начмедом ВДВ мой бывший начмед дивизии Гребенюк? Могу только гадать-догадываться с высоты своей низенькой колокольни. Но тем не менее, после развала и раздела в десантных войсках РФ, медбаты все таки превратили в госпиталя.

Конечно, ничего подобного не произошло в теперь совершенно «независимой», наверное, потому что от нее теперь никто и ничто не зависело, Украине. Мне оставалось только завидовать по – белому, своим бывшим сослуживцам. Информация до меня об этих изменениях доходила от теперь уже подполковника Петра Дробцева. Моего бывшего начальника санэпидлаборатории. Дело в том, что он один -два раза в год приезжал погостевать в Болград. У него здесь по -прежнему оставалась жена и двое детей. По приезду, обязательно посещал меня и делился впечатлениями о своей службе в Российской армии.

И тут у меня зародилось предложение, идея которая давно сверлила мозг.

– Петр Васильевич, а вы бы могли «слямзить» для меня копию штата своего госпиталя и привезти в очередной приезд в Болград? – спрашиваю у него во время непринужденной беседы.

– Зачем это тебе? – не сразу врубившись, спрашивает он у меня.

– Попробую его разработать и адаптировать под непосредственно наши, Болградские условия.

– Хорошо, я попробую, хотя особо и не обещаю. Да и вообще сомневаюсь, что из этого что – то у тебя получится.– внимательно и с сочувствием посмотрел он мне в глаза.

– Попытка не пытка, – отвечаю.

Прошел год и в очередной приезд он принес мне прямо в кабинет отпечатанную на машинке копию штата госпиталя ВДВ России. Полагаю, что

не такое уж и большое преступление совершил. Просто поделился «по -братски» достижением в своей службе. Я по этому случаю, даже распил с

ним пузырек еще советского разлива армянского «Арарата». В свободное время детально ознакомился с раздобытой шпионскими путями бумагой.

Задумка у меня была следующая. Штат российского госпиталя оставался по коечному фонду все тем же, стокоечным, как и медбат. Но в этом госпитале было пятнадцать!!! подполковничьих должностей. Так сложилось, что у нас на территории гарнизона был семидесятипятикоечный гарнизонный госпиталек и мой стокоечный медбат. С учетом того, что шла тотальная рубка вооруженных сил Украины. Сокращали целыми дивизиями, армейскими корпусами, округами и родами войск. Прекрасно осознавая, что на этом фоне никто мне не позволит создавать какую – то новую структуру думал я объединить две наши структуры в одну. Создать двухстоечный аэромобильный госпиталь.

Но, как говорится, вода камень точит. В свое редкое свободное время на свое видение от руки расписал новый штат. Расписал его так, как мне хотелось. Говорят, что если человек решил о чем- то помечтать, то по крайней мере не надо себе ни в чем отказывать. Машинистка отпечатала мой вновь разработанный от «балды» штат в пяти экземплярах.

Начмед округа

периодически проводил расширенные совещания в Одессе, куда собирали всех начмедов отдельных частей, соединений и объединений. Сборы эти проводились в клубе на базе Одесского военного санатория, так называемая, шестнадцатая станция фонтана.

Медицинская служба ВСУ по прежнему была в подчинении тыловиков. То есть нашим главным окружным «папой» был не начмед округа, а заместитель командующего по тыловому обеспечению. Заместителем по тылу на то время был генерал-

майор Пропивко. Потешное такое существо. Высотой около метра, но как у всех армейских коротышек, фуражка до метра в диаметре. Поэтому, когда оно входило в зал, то напоминало самоходный гриб боровичок. С этим подчинением и переподчинением медицинской службы происходила постоянная чехарда.

Медики давным – давно, с советских еще времен настаивали чтобы их вывели из подчинения структуре, которую они же были обязаны контролировать, а при необходимости и наказывать. Тыловики, естественно, на самом высоком уровне всячески препятствовали, чтобы мы от них ушли. Мы ведь тогда могли бы свободно держать их в узде. Вот и во время раздела СССР, воспользовавшись ситуацией, медицинская служба ВДВ РФ выскользнула из подчинения тыловикам и переподчинилась напрямую командирам частей. Так случилось, что после раздела, медицинская служба в дивизии, несмотря на то, что дивизия стала украинской, осталась в подчинении командира. Забыли поменять в штате нашей дивизии графу.

Зам по тылу дивизии на то время был совсем тупой, полковник Вепренко, который просто не просекал ситуацию, а я помалкивал, мне это было выгодно. Окружное начальство тоже пока не вникло в сложившуюся ситуацию.

Поэтому, когда в зал входил этот панок-грибок, вся медицинская служба подобострастно замирала по стойке смирно, один я не демонстрируя, но стоял по стойке «вольно», не напрягаясь. Начмед округа нес за своим шефом его папочку, переступая, как журавль на цырлах, чтобы невзначай не наступить на него. Все присутствовавшие в зале явно видели, как этот недоносок демонстративно наслаждается властью. Оно становилось на подставку за трибуной, холуи ему перед носом раскрывали в нужном месте заранее заготовленную речуху и генералушка, упиваясь всесилием перед собравшимися, начинал глаголить.

Чтобы поиздеваться над нашим медицинским начальником, он открытым текстом ерничал, во всеуслышание вещая в микрофон приколы.

– Товарищи офицеры, высшая степень армейского подхалимажа -это написать своему шефу речь и, усевшись в зале перед ним, проявлять суетливую активность, имитируя усердное ее конспектирование. Показывая при этом пальцем на нашего Нетребко. Все присутствующие, а это около пятисот человек, прятали ухмылки на своих мордах.

Потом он много чего говорил о текущей ситуации и о проблемах, какие он в поте чела героически решает. Только через много лет мне стало известно, что будучи распорядителем у корыта окружного тылового хозяйства, он успел построить два четырехэтажных особнячка. При этом это только сверху по четыре, а еще по три этажа заглубленные в землю. Один в Одессе, рядом с тем же санаторием, второй – на своей малой родине. И это только то, что нельзя спрятать от завистливого ока.

А пока он продолжал выдавать на гора жемчуга «красноречия».

– Товарищи офицеры, – это уже в заключительной части своего выступления, – мне вот накануне предложили повышение. Переходить на должность заместителя начальника тыла вооруженных сил Украины. Я долго думал и пришел к выводу, что лучше быть головой у мухи, чем жо..й у слона. Зал подхалимски, утвердительно кивая, заржал.

В президиуме восседала вся верхушка медицинской службы округа и даже присутствовало пару представителей из Киева. Во время перерыва подхожу к своему начальнику Нетребко. Поздоровался, представился, вручил ему три копии своего вновь придуманного штата и нагло предложил ознакомиться на досуге.

– Что это такое? -презрительно фыркнул мне в лицо шеф. Брезгливо принимая из моих рук бумаги.

– А вы почитайте, товарищ полковник, может вам и понравится. Копию попрошу выделить и Киевским представителям. Авось, кого -нибудь заинтересует. Не обращая внимания на его брезгливо скорченную физиономию, принял я смиренную позу.

Во время перерыва генерал Пропивко быстренько слинял, чтобы заниматься неотложными делами по разворовыванию попавшего ему в лапки народного

достояния. А трибуной завладел наш непосредственный начальник. Сидя в зале, наблюдаю, как заместители начмеда округа и киевские представители вяло и небрежно листают копии предложенного мною штата. Когда Нетребку за трибуной сменил кто то из его замов он, сидя за столом президиума, тоже полистал особо не вникая в содержимое моего предложения.

По окончанию совещания подозвал меня к себе и пробормотал то, что я и без него понимал и осознавал. Типа, что это ты предлагаешь, когда идет тотальная рубка вооруженных сил. Успокойся, мол, и не выдумывай, никто и ничего сейчас создавать не станет. Но назад мои бумаги не вернул. Теперь придется забежать далеко вперед, чтобы закончить эту главу.

И так, прошло пару лет. Я давно уже похоронил свою идею. Но вот раздастся звонок. На том конце провода звучит жизнерадостное повизгивание моего Нетребки. У нас уже к тому времени давно сложились нормальные и деловые отношения. Он меня признал, как соответствующего занимаемой должности.

– Озерянин! Представь себе, что у тебя скоро будет свой двухсоткоечный аэромобильный госпиталь!

– Что – то не верится, – оторопел я.

– Киевляне, наконец -то, им заинтересовались и решили утвердить. Небось, рад?

– Я рад, конечно!

– Но не все так просто. Получается, тебе просто повезло. Случилось так, что правительство Франции в благодарность за то, что Украина порезала на куски свои ракеты, часть из которых была нацелена в том числе и на Францию, приняло решение подарить правительству Украины списанное оборудование полевого аэромобильного госпиталя. Представляешь?

– Везуха, однако!

– Но оно, якобы, в еще вполне приличном состоянии. Цена этого оборудования один миллион девятьсот тысяч долларов.

– Ничего себе подарочек!

– Наше правительство, соответственно, так как это имущество -военное, передало его на баланс. Министерства обороны, с учетом того, что оно медицинское, министерство перекинуло его в Главное военно – медицинское управление. Начмед ВСУ спросил у нас, начмедов округов, кому его определить. Прикарпатский начмед хотел урвать его себе на Яворовский полигон. И тогда я вспомнил о разработанном тобою, Озерянин, штате аэромобильного госпиталя и твоей идее объединить ваш медбат и гарнизонный госпиталь. Нашему киевскому шефу идея понравилась и он ее одобрил. Так что жди, скоро к вам в Болград самолетом из Франции доставят подаренное имущество. А заодно пришлют и тобою разработанный штат.

И точно. Через пару дней ко мне приехал и пришел прямо в кабинет полковник с медицинской службы министерства обороны. Скромный такой клерк. Почтительно поздоровался и протянул мне мою старую копию штата госпиталя. Со словами:

– Мы тут разработали для вас штат аэромобильного госпиталя для вашей дивизии. Я приехал, чтобы вы с ним ознакомились и с учетом вашей специфики

может что -то предложите изменить, дополнить.

Я полистал, и убедился что

это все та же моя копия, которую вручал пару лет назад в Одессе. Ни одного слова, никаких новых дополнений в ней не было. Видимо, полковник был абсолютно не курсе, откуда она появилась.

Тогда я встал, порылся в сейфе, нашел точно такую же копию, которая у меня сохранилась и подал ему. Он полистал, глаза у него полезли на лоб.

– Так это вы ее и разработали?

– Как видите. Так что мне нечего еще больше дополнить. Кстати, на последней странице изложены и все мои аргументы в пользу создания такого подразделения здесь в Болграде.

– Ну, тогда спасибо. Извините, что вас побеспокоил. Полковник раскланялся и убыл в столицу.

– Озерянин, зайди ко мне! – прогрохотала телефонная трубка теперь уже голосом комдива Бабича. Иду в кабинета генерала.

– Ты что там затеял за моей спиной? – в ответ на мой доклад о прибытии, спросил командир, глядя в упор, но вижу, что благожелательно

– Вы о чем меня спрашиваете?

– Да не прикидывайся! Мне только что позвонил командующий округом и предупредил, что через пару часов нужно у нас на аэродроме встречать борт с Марселя. Чтобы снарядил колонну «Уралов» для выгрузки сорока двух тонн имущества военного госпиталя. А Непотребко сказал, что это все ты заварил. Это правда?

– Так точно, немного вины моей в этом деле есть, – изложил ему кратко суть дела. Смотрю, крылья носа у него начали раздуваться от гордости за своего подчиненного. Но виду старается не подавать. – Так это что же, теперь у нас вместо обычного медицинского батальона будет целый двухсоткочный госпиталь?

– Получается что так, товарищ генерал.

– А для чего ты все это затеял?

– Товарищ генерал! Я вам неоднократно докладывал, что у нас тяжелейшая проблема с укомплектованием служб в частях дивизии врачомным персоналом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.